

АЛХИМИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЗАПАДНОГО ЭЗОТЕРИЗМА⁷⁰

П. Г. Носачев

Доклад посвящен изложению концепции ведущего европейского исследователя истории западного эзотеризма, профессора Амстердамского университета Воутера Ханеграаффа, представленного им в монографии «Esotericism and the Academy», смысл которого вкратце формулируется следующим образом: деление на алхимию и химию возникает благодаря двум типам формирования научного исследования. Суть первого сводится к открытию мудрости древних, выразившегося в процессе истолкования текстов и символов предыдущих эпох. Второй же тип, ныне именуемый химией, основывается на языке экспериментальной науки. Подход Ханеграаффа, таким образом, противостоит одновременно позитивистским теориям, построениям Юнга и Элиаде, а также «новой историографии» Ньюмана, Принчипе.

The paper focuses on the concept of leading European researcher of the history of Western esotericism Wouter Hanegraaff which was presented in the monograph «Esotericism and the Academy». This concept is briefly formulated as follows: Division by Alchemy and chemistry occurs through two types of scientific research. The first type is focused on the opening of the wisdom of the ancients in the interpretation of texts of earlier eras. The second type now known as chemistry is based on the language of experimental science. Hanegraaff's approach, therefore, is opposed at the same time to the theories of

⁷⁰ Текст, приведенный ниже, не претендует на роль самостоятельного исследования, а призван прежде всего к тому, чтобы познакомить читателя с оригинальной концепцией алхимии как части комплекса западного эзотеризма, разработанной профессором Ханеграаффом в своей последней работе. Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013-2014 гг., проект № 12-01-0005.

positivists, Jung and Eliade, as well as the "new historiography" of Newman and Principe.

Если мы обратимся к истории идей, то перед нами предстанет панорама теорий, описывающих алхимию как феномен. Одной из самых крупных по количеству окажется группа, представители которой в один голос ставили алхимию в разряд псевдонауки или зачаточной стадии науки. Согласно мысли выразителей описанного подхода, современная экспериментальная химия вышла из мрака невежественной и погруженной в бесконечные герменевтические упражнения по истолкованию символов матери-алхимии, вытеснив последнюю на обочину истории. В лучшем случае, авторы этого подхода положительно оценивали идеи алхимии и отмечали ее роль в становлении нововременного естествознания⁷¹.

Иного взгляда придерживаются исследователи XX века, которых условно можно разделить на два направления: школа Юнга⁷² и школа Элиаде⁷³. Для первой группы алхимические упражнения были ничем иным как системой психоаналитической практики, с помощью которой средневековые и нововременные авторы истолковывали и преобразовывали свой личный опыт переживания бессознательного. Для последователей же Элиаде алхимия является универсальным религиозным феноменом, суть которого сводится к духовной трансформации человека, по образу йогических усилий. Отдельно следует выделить школу культурно-философского исследования алхимии, последователи которой не склонны были связывать ее с наукой, а рассматривали как особый тип

⁷¹ Этот подход представлен исследованиях таких ученых как Линн Торндайк, Френк Тейлор, Вильгельм Ганценмюллер и Джеймс Партингтон.

⁷² Этот подход выражен им в работе «Психология и алхимия» [Юнг, 1997] и серии докладов ей предшествовавшей.

⁷³ Свой подход Элиаде выразил в ряде сочинений, см. например, «Азиатская алхимия» [Элиаде, 1998], «Йога: Бесмертие и свобода» [Элиаде, 2004]

миросозерцания, близкий скорее к искусству⁷⁴. Для всех обозначенных выше подходов характерно пренебрежение экспериментальной стороной алхимического процесса в угоду выведения первенствующей роли духовной составляющей. Лишь в XXI веке возникает идея, согласно которой алхимия слишком сложный феномен, несводимый полностью ни к материальному, ни к чисто духовному измерениям, а рассматривать ее необходимо как неотъемлемую часть истории науки. Лидеры такого подхода, именующие свое направление «новой историографией», У. Ньюман (Newman) и Л. Принчипе (Principe)⁷⁵ описывают алхимию как органичную часть истории естественных наук, причем без утраты ее самобытности. По мнению последних, противопоставление экспериментальной химии и алхимии – позднее изобретение, появившееся лишь в XVIII веке и не имеющее аналогов в прошлом, а само название «химия» было результатом филологических изысканий Нового времени, преследовавшим лишь цель возвращения к изначальному словоупотреблению латинского языка.

Профессор Воутер Ханegraафф, ведущий европейский исследователь истории западного эотеризма, также обратился к изучению феномена алхимии в контексте изучения интеллектуальной истории, предпринятого им в последней монографии «Esotericism and the Academy». Исходя из хронологических рамок разработанной им теории, Ханegraафф не рассматривает генезис алхимии и не строит гипотез о ее возможном формировании. Для него она важна как феномен уже существующий в эпоху Ренессанса и развивающийся далее в течение Нового времени. Тогда, согласно амстердамскому профессору, сформировался референтный корпус западного эотеризма, соединивший

⁷⁴ Среди выразителей этого подхода можно назвать А. Койре [Койре, 1994], В. Рабиновича [Рабинович, 1979]

⁷⁵ См. многочисленные работы авторов, в том числе монографию Newman W. R., Principe L. «Alchemy Tried in the Fire» [Newman W. R. 2002]

в себе целый ряд различных культурных тенденций, направленных на поиск лучшего в древнейшем: платонический ориентализм, каббалистическая мудрость Моисея, египетский герметизм и халдейская мудрость Зороастра. В общем виде данный синтез к началу Нового времени строился на двух основных составляющих, которые Ханеграафф обозначает как платонизм и герметизм. Их различия удобно представить в форме таблицы [Hanegraaff W. 2012, P. 194]⁷⁶:

<i>«Платоническая» парадигма</i>	<i>«Алхимическая» парадигма</i>
Платонизм	Герметизм-Аристотелизм- Парацельсианизм
От метафизики к природе	От природы к метафизике
Статичная гармония	Динамический процесс
Падение: от света к тьме	Рождение: от тьмы к свету
Традиция	Опыт

Таким образом, видно, что платонизм опирался на духовную составляющую, абстрагируясь от материального мира. Главной его особенностью была направленность к древней мудрости (основным выразителем такого подхода был Фичино⁷⁷). В то время как герметизм выражал себя в натурфилософии Беме, Парацельса и розенкрейцеров, провозгласившей идею преобразования человека (трансмутации) через практику алхимического делания, главной составляющей которой была работа с материей. В таком контексте алхимия является первой стадией

⁷⁶ Обе эти модели вряд ли стоит рассматривать как описание онтологического характера, они являются моделями, с помощью которых их приверженцы пытаются постичь мир и Бога. К тому же необходимо добавить, что в течение XV-XVIII веков обе модели взаимодействуют друг с другом, поэтому в мировоззрениях того или иного автора мы можем найти элементы обоих.

⁷⁷ Алхимические темы, разумеется, есть и в творчестве Фичино, но играют у него малую роль. Исключением здесь является концепция Мирового духа, которая лишь при смешении с традицией Парацельса оказала значительное влияние на построения ятрохимии.

преображения мира, образуя своего рода «лестницу в небеса», соединяющую дух и тело, возводя их к Богу.

Разумеется, такой подход не мог не найти своего выражения и в сфере религиозных дебатов того времени. Алхимия очень быстро становится привлекательной для протестантских авторов. В то время как католицизм в аскетической сфере больше внимания уделял устремленности к духовному миру, в ущерб заботе о материальном, а в интеллектуальной сфере стремился интегрировать в историю христианства дохристианскую языческую мудрость, подчеркивая универсальность христианства в теории «христианства до Христа», протестантизм, наоборот, полагает сферой аскетического подвига материальный мир и полностью отрицает языческую мудрость, как источник искажений жизни христианской церкви, превративший ее из общины верных в институт со множеством архаических элементов. Еще более важной характеристикой, привлекающей протестантских мыслителей (преимущественно лютеран) в алхимическом делании, является отрицание бездумного следования традиции в противоположность индивидуальному пути спасения через *Sola fide*, *Sola scriptura* и *Sola gratia*. Ханеграафф отмечает, что результатом синтеза лютеранских и алхимических мировоззренческих перспектив становятся такие влиятельные течения как христианская теософия и розенкрейцерство. Яркими примерами этого синтеза являются розенкрейцерские манифесты и «Химическая свадьба» Андреа, произведения Генриха Кунрата, Михаэля Майера и Роберта Фладда и даже работы Якоба Беме. У немецкого мистика легко прослеживается идея физического преобразования, в противоположность докетистским тенденциям превознесения духа над материей. «Великий урок теософии Беме, – как это выразил Пьер Дегай (Pierre Deghaye) — заключается в том, что дьявол отрицает тело. Дьявол — идеалист» [Hanegraaff W. 2012, P. 202]

Одним из ключевых положений амстердамского профессора является представление об алхимии как сложном феномене, органично сочетающим в себе религиозный и научный аспекты. Это положение одновременно противостоит не только позиции Элиаде и Юнга, сторонников духовной интерпретации Великого Делания, но и теориям алхимии, как зачаточной формы химии, а также теории Ньюмана и Принчипе. По мнению Ханеграффа, позиция последних отличается внутренней противоречивостью: если до XVIII века алхимия не отделялась от химии, то встает вопрос: по какому же критерию в последнее время данное разделение было осуществлено?⁷⁸

Ханеграфф предполагает, что ключ к такому различению надо искать в историографии. Некоторые исследователи уже в 60-ые годы отмечали, что, «...когда химик не сидит за своей печью и флягами, а занят сопоставлением, со страстью полной уважения, драгоценных текстов древних, тогда целью его стремлений является не столько научный прогресс, сколько восстановление потерянной *тайны* (курсив в оригинале – П.Н.)» [Hanegraaff W. 2012, P. 204]. Следовательно, уже к XVI-XVII веку в среде (ал-)химиков выделяется две группы: первая относит себя к последователям традиции истолкования забытых тайн, оставленных древними в книгах, а потом проверяет полученные герменевтическим путем знания в лаборатории; вторая группа ставит во главу угла экспериментальное знание, при этом уделяя историческим штудиям значительно меньше времени и значения. Обе группы являются учеными и в равной степени создают научное знание, но руководствуются разными интенциями. Первая концентрирует свои усилия на построении герменевтических и исторических исследований, в то время как вторая занимается экспериментальными изысканиями. Противопоставлять одну часть другой столь же нелепо как

⁷⁸ В критике подхода последних Ханеграфф присоединяется к замечаниям Брайана Викерса [Vickers B. 2008] и Герварда Тилтона [Tilton H. 2003].

противопоставлять гуманитарные науки естественным. Дальнейшая история развития алхимии уже без химии является наглядным тому подтверждением. С годами мнения древних, полученные путем герменевтического анализа, становятся превалирующими над экспериментальными данными: «древние всегда правы, не важно, что при этом происходит в лаборатории» [Hanegraaff W. 2012, P. 205].

Позже, уже в эпоху барокко, данная идея сплетается с каббалистической темой зашифровывания и сокрытия истинного знания, превратив язык алхимии в нагромождение тайн и скрытых смыслов. Во многом подспорьем такому превращению послужили литературные вкусы эпохи. Некоторые алхимические авторы в угоду новым веяниям нарочно усложняли свой язык, насыщая его тайными знаками, чтобы еще более запутать читателя, введя его в бесконечный лабиринт из загадок и ошибочных выводов, в котором бедный читатель мог блуждать вечно, превратив алхимию в чисто герменевтическую процедуру истолкования, полностью лишенную экспериментального измерения. Ярким примерам такого подхода, на наш взгляд, является методологическая основа работ Фулканелли, сводящего исследование к истолкованию символизма Великого делания, якобы зашифрованного в камень неизвестными архитекторами.

Подводя итог, еще раз кратко изложим основное положение теории Ханеграаффа. Деление на алхимию и химию возникает благодаря двум типам формирования научного исследования. Суть первого сводится к открытию мудрости древних, которое выражается в процессе истолкования текстов и символов предыдущих эпох. Второй же подход, ныне именуемый химией, основывается на четком языке экспериментальной науки.

Безусловно, теорию амстердамского профессора отличает значительная широта и гибкость, которые открывают перед будущими исследователями новые горизонты в изучении алхимии как неотъемлемой части научного знания, при этом с сохранением ее своеобразия, что выгодно отличает подход Ханеграаффа от теорий представителей «новой историографии». Ко всему прочему в свете этой концепции становится понятным, как изучать наследие таких авторов как Ньютон, не создавая при этом искаженной шизофренической картины, в которой алхимические штудии ученого никак не влияли на его достижения, принятые в научном мире.

ЛИТЕРАТУРА:

Hanegraaff W. 2012 — Hanegraaff W. *Esotericism and the Academy*. Cambridge, 2012

Newman W. R. 2002 — Newman W. R. *Alchemy Tried in the Fire: Starkey, Boyle, and the Fate of Helmontian Chymistry*. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

Tilton H. 2003 — Tilton H. *The Quest for the Phoenix: Spiritual Alchemy and Rosicrucianism in the Work of Count Michael Maier (1569–1622)*. Berlin, 2003.

Vickers B. 2008 — Vickers B. The «New Historiography» and the Limits of Alchemy // *Annals of Science*. 2008, (Vol. 65), № 1. P. 127-156.

Койре А., 2004 — Койре А. *Мистики, спиритуалисты и алхимики Германии XVI века*. Долгопрудный, 1994.

Рабинович В. Л. 1979 — Рабинович В. Л. *Алхимия как феномен средневековой культуры*. М.: Наука, 1979.

Элиаде М. 1998 — Элиаде М. *Азиатская алхимия* / пер. А. А. Старостиной. М.: Янус-К, 1998.

Элиаде М. 2004 — Элиаде М. Йога бесформы и свобода
Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004

Юнг К. Г. 1997— Юнг К. Г. Психология и алхимия. Москва: REFL-
book, 1997.